

УДК 94(47).081

Политическое vs административное в географии польской ссылки 1863 г.

Ангелина А. Зуева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт региональных исторических исследований,
Москва, Россия, aa.zueva@hse.ru*

Аннотация. В статье проанализирован ход бюрократической дискуссии о расселении польских ссыльных после восстания 1863 г. Несмотря на устойчивые топосы Сибири и Севера как ссыльных мест, география ссылки зависела от статуса ссыльных, политических обстоятельств и инфраструктурных возможностей империи. Выбор мест поселения зависел также от целей различных институций, принимавших участие в организации ссылки. В их число в случае польской ссылки относились Западный комитет, Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ с региональными отделениями. Западный комитет и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев видели в срочной и массовой ссылке инструмент решения своих политических задач – подавления восстания и «умиротворения» Западных окраин. Перед ссылкой он ставил задачи изоляции восставших, что определило его взгляд на географию поселений, игнорирующий и обобщающий региональные особенности. При исполнении планов высылки Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ, помимо требований Муравьева, вынуждены были учитывать реалии губерний, совершенно различных по своему хозяйственному укладу. Региональные администрации пытались уклониться от принятия поляков и в соответствии с этим описывали местные условия. Сделан вывод о том, как разные институциональные точки зрения определяли разные видения российской территории.

© Зуева А.А., 2026

Ключевые слова: польская ссылка, география ссылки, бюрократия Российской империи

Для цитирования: Зуева А.А. Политическое vs административное в географии польской ссылки 1863 г. // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 26-39.

The Political vs administrative dimension in the geography of the Polish exile (1863)

Angelina A. Zueva
*National Research University "Higher school of economics",
Research Institute of Regional History,
Moscow, Russia, aa.zueva@hse.ru*

Abstract. The article examines the bureaucratic debates over the settlement of Polish exiles after the uprising of 1863. Although Siberia and the North were stably perceived as exiled settlements, the geography of exile depended on the status of exiles, political contexts and infrastructural resources of the empire. The selection of settlements was also shaped by the conflicting goals of various institutions involved in the organization of the exile. The Western Committee, the Ministry of the Interior, and the Ministry of State Property with regional offices were responsible for planning the exile of 1863. The Western Committee and the Governor-General of Vilna, M.N. Muravyov, used urgent and mass exile as a tool for solving current political issues of suppressing the uprising in the Western borders. Complete isolation of the Poles in the remote areas was his ultimate goal, which determined his generalizing view on the geography of exile. In contrast, the Ministry of the Interior and the Ministry of State Property had to take into account provincial conditions and contexts, varying from region to region. Regional administrations tried to avoid accepting Poles and described local conditions as unacceptable for the settlements. The conclusion is drawn about how different institutional points of view determined different visions of the Russian territory.

Keywords: Polish exile, geography of exile, bureaucracy of the Russian Empire

For citation: Zueva, A.A. (2026), “The Political vs administrative dimension in the geography of the Polish exile (1863)”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 26-39.

После польского восстания 1863 г. перед властями Российской империи встала задача распределения огромного потока польских ссыльных. Несмотря на репутацию Сибири и Севера как ссыльного края, места ссылки не были predetermined. География ссылки стала результатом бюрократической дискуссии, в которой столкнулись различные институциональные цели, видения и методы. Основными центрами принятия решений стали комитет по делам Западных губерний, задавший вместе с виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьевым курс на подавление восстания, Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ с региональными отделениями, отвечавшее за хозяйственную инфраструктуру. При выборе мест поселений вступили в противоречие разные представления о пространстве империи. С одной стороны, высшая бюрократия в лице Муравьева в первую очередь выполняла свои политические задачи, не вдаваясь в региональные различия и административные перипетии. С другой стороны, Министерство внутренних дел координировало пересылку и водворение поляков между губерниями, учитывая контекст политического кризиса и ресурсные возможности провинций. Те, в свою очередь, также представляли центру свое видение расселения поляков, используя доступные аргументы, приближенные к местным реалиям.

В историография вопроса разрабатывались несколько основных сюжетов. Во-первых, традиция изучения ссылки как правового института берет свое начало в конце XIX в., оставаясь востребованной и в дальнейшем¹]. Во-вторых, сибирская ссылка в силу ее масштабности привлекала больше всего внимания и давала исследователям возможность рассуждать об особенностях управления зауральской периферией, о динамике интеграции этого

---

¹ Никитин В.Н. Тюрма и ссылка. СПб., 1880; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.

региона в составе империи² [Кузнецов, 1972; Ремнев, 2007; Badcock, 2016]. В-третьих, отдельную проблему составляет «польская Сибирь» и ссылка участников польских восстаний. Многочисленные исследования, основанные на использовании местных архивов, посвящены жизни польских ссыльных в российских провинциях, их коммуникации между собой, отношениям с местным обществом и местной властью [Кодан, Шостакович, 1992; Подлевских, 2004; Конова, 2004; Мулина, 2012; Gentes, 2017]. Отдельно стоит отметить польскую исследовательницу В. Слиховскую, внесшую значительный вклад в изучение польской ссылки и реконструкцию биографий ссыльных [Sliwowska, 1998].

Важной проблемой оставались повседневные реалии ссылки, которые в большей мере отражали точку зрения самих поселенцев. Все эти исследования предлагают ответы на вопросы о том, что из себя представляла ссылка как правовая практика, как жили ссыльные в Сибири и в провинциях, и каким образом ссылка являлась инструментом окраинного управления. Почему география ссылки оказалась именно такой?

Настоящее исследование предлагает поставить несколько новых вопросов. Видится важным проблематизировать саму географию расселения и предположить, что выбор поселений был определен подходами и видением разных министерств и инстанций, которым иногда приходилось конкурировать между собой, а иногда искать компромиссы. Следует проанализировать географию ссылки как поле бюрократических дискуссий, где сама территория стала предметом споров, а не фоном принятия решений.

В отличие от существующей научной литературы, эта статья сфокусирована на институциональной логике принятия решений, стратегиях различных ведомств к управлению территорией и институциональных видений пространства. К противоречиям между Муравьевым и МВД относительно высылки поляков обращался Л.Е. Горизонтов. В частности, он писал, что поток ссыльных лег тяжелым бременем на центральные ведомства, что в

---

² Саломон А.П. Ссылка в Сибирь. Очерки ее истории и современного положения. СПб., 1900.

тех обстоятельствах мало беспокоило виленское начальство [Горизонтов 1999, с. 51–54]. Однако «ссылные» губернии, которые не собирались становиться таковыми, пытались избежать планов, сформулированных в столичных кабинетах. Таким образом, география ссылки складывалась не только под влиянием межведомственных противоречий, но и в условиях, когда потенциальные места ссылки представляли свое видение пространства.

Инициативы по расселению восставших во внутренние губернии принадлежали виленскому генерал-губернатору Муравьеву. Было предложено организовать массовое переселение во внутренние губернии, «совершенно чуждые польской жизни»³ и обладающие обширным фондом казенных земель с редким населением. Считалось необходимым полностью изолировать польских ссыльных от контактов с великорусским населением и найти для этого соответствующие малообжитые территории.

Важно отметить, что в Российской империи ссылка на поселение наделялась колонизационным потенциалом, а ссыльные, несмотря на свой маргинальный статус, воспринимались как агенты этой колонизации на окраинах. Перед ссылкой 1863 г. вовсе не ставились задачи освоения: она проектировалась как сугубо карательный проект. Соответственно, члены Западного комитета не связывали места будущих поселений с какими-либо хозяйственными перспективами, но рассматривали территории как своеобразный резервуар для массы восставших, которых нужно было сепарировать от внешних контактов. Чтобы выполнить означенные условия – найти обширные и свободные земли под поселение – МВД и МГИ просили назначить сроки высылки и сообщить точное количество ссыльных. Ведомства подчеркивали, что все будет зависеть от количества и качества земельных участков.

В свою очередь, и Муравьев просил «скорейшего и точнейшего получения просимых сведений»⁴ о состоянии территорий. Незнание относительно имевшихся ресурсов и конкретных условий усугубляли взаимную неопределенность. Кроме того, количество высылаемых постоянно увеличивалось.

---

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 879. Л. 8-8 об.

⁴ Там же. Л. 66 об.

Виленский генерал-губернатор рекомендовал избегать скопления поляков в городах и размещать их в волости государственных крестьян небольшими группами, что облегчало бы надзор сельских начальников, а большие селения организовывать на свободных удаленных пространствах. Предварительно М.Н. Муравьев предлагал Вологодскую, Самарскую и Астраханскую губернии «местности со сплошным пространством казенных земель», на которых возможно разместить ссыльных⁵. Также речь шла о Тобольской и Томской губерниях где считались свободными «почти все казенные земли <...> хотя положительно сказать какие именно участки весьма затруднительно»⁶. Из имеющейся в министерствах сведений в качестве мест поселений МВД первоначально рассматривали Вятскую, Новгородскую, Оренбургскую губернии. Прежде всего, в каждой губернии смотрели на количество незаселенной земли. Так, предполагалось, что в Олонецкой губернии могут найтись «небольшие» участки, однако точная оценка оброчных статей на тот момент не была произведена.

Оценка же новгородских оброчных статей показала наличие свободных, но покрытых лесом мест, а потому для их расчистки требовались дополнительные расходы. Именно из-за леса крестьяне отказывались от этих участков, после чего те поступали в оброчные статьи. По той же причине свободные пространства Вологодской губернии МГИ оценивало как «места неудобные». В то же время М.Н. Муравьев отмечал, что лесные угодья вокруг поселений – «условие важное» для изоляции поляков⁷. Пермское отделение МГИ сообщало, что имевшиеся свободные земли необходимы для местных крестьян. Показательно и то, как в экстренных обстоятельствах обозначились пределы административного знания. Отзыв МГИ о том, что «неизвестно с достоверностию ни количество оных <свободных земель>, ни то в какой степени оне удобны под поселение»⁸, явственно характеризует состояние механизмов контроля и учета, при

---

⁵ Там же. Д. 146. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 8 об.

⁸ Там же. Л. 37.

котором часть пространств губерний оставалась вне досягаемости не только столичной, но и региональной бюрократии.

После обращения центральных ведомств к региональным отделениям МГИ с целью обследовать состояние земельных участков выяснялось, что качество имевшихся карт и планов отставало от физических реалий территории. Руководство МГИ оставалось недовольным результатами оценки угодий. Отмечалось, что выводы о пригодности земли для поселения делались на основе одних планов или окладных книг, «а не по осмотру в натуре земли, как бы следовало»⁹.

Центральные ведомства строили свои планы, не обладая знанием о реальном статусе рассматриваемых земель. Участки, которые в столице рассматривали как места для поселений, в губерниях уже были отведены «для облегчения выпедших из крепостной зависимости крестьян приискания селений в кои они могут быть причислены без согласия обществ»¹⁰. Региональные инстанции представляли местные условия как можно более неподходящими для принятия массы ссыльных. Например, представители Новгородской палаты резюмировали, что обозначенные столицей земли либо уже заняты, либо требовали долгой и трудоемкой хозяйственной обработки, а также добавляли, отводя от региона планы столичных ведомств, что эти обстоятельства не отвечали немедленным целям высылки, в отличие от «излишних земель в степных губерниях, где земля ожидает только плуга, чтобы дать обильные урожаи»¹¹.

Альтернативный колонизационный проект представляли собой планы по выселению поляков в астраханские степи. С 1840-х гг. власть поддерживала переселение крестьян из внутренних губерний в совместные с калмыками поселения «в видах сближения Калмыцкого народа с Русским населением»¹². Качество предоставляемых участков было разным: где-то материальной и технической помощи в виде пособий, топографов и землемеров оказалась недостаточной для обустройства быта в степи из-за

---

⁹ Там же. Л. 76.

¹⁰ Там же. Л. 51 об.

¹¹ Там же. Л. 52.

¹² Там же. Л. 19.

нехватки пресной воды и недостатка земледельческой инфраструктуры. На некоторых участках степи уже не оставалось свободных мест из-за большого количества крестьян из внутренних губерний, готовых воспользоваться возможностью переселения.

Правительство обратило внимание именно на не востребуемые крестьянами участки. Было намечено, что поляков можно водворить вдоль тракта и куда больше «внутри самой степи»¹³. Однако в Западном комитете было поставлено условие, согласно которому в астраханские степи могли ссылаться только лица, «не принадлежащие к крестьянскому сословию»¹⁴. Это порождало принципиальное противоречие в юрисдикции, в ведение которой попадали поселенцы. Степные участки, отведенные для поселения, составляли казенный земельный фонд и находились в ведомстве МГИ и волостных правлений – сельских администраций, которые не имели полномочий контролировать дворянские поселения. Данное обстоятельство озадачило местные власти и те просили от министерства указаний о том, как поступать с поселенцами привилегированных сословий¹⁵. В губернию был командирован специальный чиновник «для наблюдения за водворением на казенных землях переселенцев»¹⁶. Он также сообщал, что за отсутствием инструкций о водворении поселенцев, они остаются «расквартированными в казенных селениях»¹⁷. Астраханское начальство констатировало, что приток поселенцев ложится бременем на местных крестьян, содержащих ссыльных, пока столичные министерства не сформулировали конкретных распоряжений.

Выявленная проблема не ограничивалась астраханскими реалиями, но была симптоматичной лакуной при организации водворения. Определяя для польских дворян свободные казенные земли, МВД не обозначало, какие именно условия должны соблюдаться в территориях, населенных по большей части государственными крестьянами. Хотя МГИ и отмечало, что «права

---

¹³ Там же. Л. 89–89 об.

¹⁴ Там же. Д. 154. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Д. 146. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же.

дворян составляют предмет особых обсуждений»¹⁸, план выселки на обособленных участках противоречил социальным и инфраструктурным реалиям территорий казенного фонда, ведь дворянские права не могли быть в полной мере соблюдены в таких условиях. В то же время часть ссыльных представляло собой настолько обедневшее дворянство, что местные администрации не могли признать в них лиц привилегированных сословий, а документальные подтверждения их статуса зачастую были утеряны из-за спешки, на фоне которой происходило выселение.

Как и новгородские власти, приводившие аргументы о нецелесообразности отправки поселенцев в новгородскую губернию, астраханская администрация пыталась довести до МВД, что местные условия не отвечают целям, стоящим перед ссылкой. Сообщалось, что польские дворяне не смогут обеспечивать свое существование на территориях, отведенных им в степи: «...по несуществующему здесь промышленности сельской – заводской и фабричной. Существующие же в Астраханской губернии промыслы требуют тяжелого труда...»¹⁹.

На географию влияла и категоризация самих поселенцев: форма участия в восстании, наличие семьи, возраст и физические возможности депортируемых. «Способных к поселению» в первую очередь определяли на земли Пермской и Астраханской губернии. Непривилегированных ссыльных, чье состояние после медицинских освидетельствований оценивалось как достаточное для физического труда, планировалось устроить в рабочие роты, преимущественно на железнодорожные работы²⁰. Кроме того, отмечалось, что в степные районы отправляются только «положительные преступники», как и в Томскую губернию назначали «более виновную шляхту»²¹. Отправлять же сосланных только за «неблагонадежность», например, на Север, признавалось несоответствующим степени виновности²². Так как степи Астраханской губернии были оценены как области с обширными

---

¹⁸ Там же. Д. 165.

¹⁹ Там же. Д. 146. Л. 55.

²⁰ Там же. Д. 879. Л. 13.

²¹ Там же. Д. 146. Л. 57 об.

²² Там же. Д. 879. Л. 33.

свободными пространствами, эту территорию отводили для поселения семьями. Для семейных поселений признали подходящим Челябинский уезд Оренбургской губернии с «равномерными местами достаточно удобными для поселенцев» и Олонецкую и Вологодскую губернии²³.

Таким образом, сами выбранные пространства становились формой наказания: при этом, Томская губерния, северные земли, астраханские степи наделялись карательным значением более, чем, например, поволжские участки. Игнорируя и обобщая местные реалии, столичные инстанции создавали упрощенный, абстрагированный от окружающей жизни образ территорий. Их главной социальной функцией становились наказание и изоляция. Будучи в прошлом министром государственных имуществ, М.Н. Муравьев, разрабатывая варианты освобождения крестьян, хорошо понимал роль нюансов в вопросах инфраструктуры [Долбилов 2002]. Его взгляд на места ссылки как на изолированные пустоты был предопределен его новой политической ролью в Северо-Западном крае. Нужды местных администраций – хотя их знание территории тоже было ограничено – противопоставляли этой довольно абстрактной модели конкретные сведения о ландшафте и инфраструктуре.

Эта же удаленность создавала для местных властей проблему надзора, которую также не успевали учитывать при высылке. Астраханское правление сообщало, что не может обеспечить надзор над ссыльными поселениями, расположенными в степи. Так, 165 польских семей были размещены небольшими группами отдельно друг от друга. Офицеры же уездных команд «за дальностью нахождения поселенцев» не имели возможности посещать все села и деревни для «наблюдения за их образом действий»²⁴. Власти сообщали, что губерния не сталкивалась с необходимостью надзора за массой политических преступников, поэтому служащие имели представление только об «исправлении обыкновенных судебных обязанностей»²⁵. В ответ на рапорт астраханского губернатора начальник казанского военного округа

---

²³ Там же. Л. 35.

²⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38 Д. 23 ч. 176. Л. 26.

²⁵ Там же.

заклучил, что региональная администрация не осознавала важность возложенных на нее поручений. Освобождение же уездных команд по малому числу содержащихся поляков «ни в коем случае не могло быть признано рациональным»²⁶. В личной переписке М.Н. Муравьева с шефом жандармов В.А. Долгоруковым было отмечено, что «прочное устройство» ссыльных поселений затруднялось от отсутствий «положительных и точных указаний» от высшего начальства, без которых служащие не могли «успешно действовать»²⁷. Губернские власти так и не получили инструкций о том, как совместить имевшиеся логистические и кадровые возможности провинции со сформулированной в столичных кабинетах необходимостью изолировать поляков на далеких участках и при этом обеспечить регулярный надзор.

В результате генерал-губернатор М.Н. Муравьев совместно с МГИ выбрал Олонецкую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую, Новгородскую, Костромскую, Пензенскую, Тамбовскую, Саратовскую, Оренбургскую, Самарскую, Астраханскую, Тобольскую и Томскую губернии для поселения ссыльных²⁸. Этот эпизод демонстрирует пример того, как по-разному мыслилось пространство империи. Бюрократические инстанции разного уровня предъявляли к пространству свои требования, исходили из собственных его характеристик, что фактически создавало несколько вариантов «ссыльной» географии. Виленский генерал-губернатор, задавший политический курс на Западных окраинах после восстания, видел территорию как пространство с разбросанными на нем незаселенными, удаленными землями, лишенными административных, социальных, инфраструктурных особенностей ландшафта.

Разные географические широты – будь то Новгород или Астрахань – были наделены одной, нивелирующей различия, функцией изоляции. Ввиду того, что политическая ссылка не являлась частью колонизационного проекта, то и статус поселений как удаленных и безлюдных мыслился как закрепленный за ними, исключенный из хозяйственной жизни окружающих земель.

---

²⁶ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 об.

²⁷ Там же. Ф. 811. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

²⁸ РГИА Ф. 1286. Оп. 24. Л. 35 об.

Центральные ведомства Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ играли посредническую, координирующую роль между начальством Западных окраин, отправлявших ссыльных, и российскими губерниями, чьи реалии оказались подчинены поставленной задаче изоляции ссыльных. Провинции описывали территории таким образом, чтобы уклониться от устройства ссылки. Их знание опиралось на правовые несостыковки, кадровые возможности и на материальность самой местности, где леса и степи становились ключевым аргументом в попытке оспорить предписываемую этим землям роль ссыльных колоний.

Таким образом, статус ссыльных поселений не был предопределен самой природой этих территорий или управленческим консенсусом, а география ссылки складывалась в результате столкновений разных способов видеть, категоризировать и определять пространство. Высшая бюрократия, преследуя свои цели, рассматривала территорию абстрактно, лишая ее конкретных физических характеристик. Региональные власти, доказывая уникальную непригодность своих земель для ссыльных поселений, апеллировали к местным реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Горизонтов 1999 – *Горизонтов А.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
- Долбилов 2002 – *Долбилов М.Д.* М.Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6. С. 67–90.
- Кодан, Шостакович 1992 – *Кодан С.В., Шостакович В.С.* Польская ссылка в Сибирь во внутренней политике самодержавия (1830–1850-е годы) // Славяноведение. 1992. № 6. С. 3–15.
- Кононова 2004 – *Кононова А.П.* Ссылка участников польского восстания 1863–1864 гг. (по материалам Архангельской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. 338 с.

- Мулина 2012 – *Мулина С.А.* Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 199 с.
- Подлевских 2004 – *Подлевских А.Г.* Польская политическая ссылка в российской провинции в 1860 – начале 1880-х годов (на материалах Вятской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2004. 261 с.
- Ремнев, Дамешек 2007 – *Сибирь в составе Российской империи / под ред. А.В. Ремнева, Л.М. Дамешека.* М.: НЛО, 2007. 362 с.
- Badcock 2016 – *Badcock S.* A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 195 p.
- Gentes 2017 – *Gentes A.* The Mass Deportation of Poles to Siberia, 1863–1880. London: Palgrave Macmillan, 2017. 262 p.
- Śliwowska – *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa: Wydawn. DiG, 1998. 835 str.

REFERENCES

- Badcock, S. (2016), *A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Dolbilov, M.D. (2002), “M.N. Muravyov and the liberation of the peasants: the problem of conservative bureaucratic reform”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 67–90.
- Gentes, A. (2017), *The Mass Deportation of Poles to Siberia, 1863–1880*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Gorizontov, L.E. (1999), *Paradoksy imperskoj politiki: poljaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Politics: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th centuries)], Indrik, Moscow, Russia.
- Kodan, S.V. and Shostakovich, V.S. (1992), “Polish exile to Siberia in the domestic policy of autocracy (1830s–1850s)”, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 3–15.
- Kononova, L.P. (2004), *Sylka uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg. (po materialam Arkhangel'skoj gubernii)* [Exile of

- participants of the Polish uprising of 1863–1864 (based on materials of the Arkhangelsk province)], Ph.D. Thesis (History), Arkhangelsk, Russia.
- Mulina, S.A. (2012), *Migranty po nevole: adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri* [Involuntary Migrants: Adaptation of Exiled Participants of the Polish Uprising of 1863 in Western Siberia], Aleteyya, St. Petersburg, Russia.
- Podlevskikh, L.G. (2004), *Pol'skaya politicheskaya ssylka v rossiyskoy provintsii v 1860 – nachale 1880-kh godov (na materialakh Vyatskoy gubernii)* [Polish Political Exile in the Russian Province in the 1860s – early 1880s (based on materials of Vyatka province)], Ph.D. Thesis (History), Kirov, Russia.
- Remnev, A.V. and Dameshek, L.M. (eds.) (2007), *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia within the Russian Empire], NLO, Moscow, Russia.
- Śliwowska, W. (1998), *Polish Exiles in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century: A Biographical Dictionary*, Wydawn. DiG, Warsaw, Poland.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ангелина А. Зуева, студентка бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Института региональных исторических исследований, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная 21/4, стр. 1; aa.zueva@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina A. Zueva, bachelor student, National Research University “Higher school of economics”; research assistant of the Research Institute of Regional History, Moscow, Russia; 105066, Russia, Moscow, Staraya Basmannaya 21\4, bld. 1; aa.zueva@hse.ru